

Андрей Мансуров

Восемнадцатое Царство

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Мансуров А. А.

Восемнадцатое Царство / А. А. Мансуров — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

Два подростка, живущие в умирающей деревушке в тундре, на Северной окраине материка, привлечены двумя взрывами и прилетавшими на территорию бывшего сталинского Лагеря, военными вертолетами. Они преодолевают пешком дорогу до места взрывов, и находят странную полуоткрытую шахту, явно ведущую в подземную секретную не то - Лабораторию, не то - Военный Комплекс. Присоединившуюся к ним девочку, сестру одного из подростков, не удастся заставить вернуться в деревню. Спустившись вниз, троица обнаруживает мертвого бойца спецназа. Затем другого - умирающего. Тот поручает им "Закрыть Кухню". Девочка, отправленная наверх с этим заданием, передает по радиации условленный сигнал. После этого люк захлопывается, шахту дистанционно взрывают, и подростки оказываются замурованными в гигантском незнакомом научном Комплексе. Ситуация напоминает им "Обитель Зла -1", потому что чуть погодя, пытаясь найти выход, они сталкиваются с порождением Секретной Лаборатории: гигантскими осами, разработанными для "ведения диверсионной работы в тылу противника" - хоссами, продуктом генной инженерии. Встреча с единственным выжившим и уцелевшим физически, но слегка повредившегося разумом под воздействием стресса, бойцом направленного на ликвидацию "Проблемы" спецподразделения, помогает героям понять: что происходит, и что делать дальше. Но никто из выживших не может и предположить, какие приключения ждут их на пути к спасительной поверхности...

© Мансуров А. А., 2015
© ЛитРес: Самиздат, 2015

Мансуров Андрей Арсланович.

Мансуров Андрей. «Восемнадцатое Царство». Повесть. Сайнс-фикшн. 156 500 зн..

Восемнадцатое Царство

Повесть

(пародия на штампы в «ужастиках» и боевиках)

– Я туда не полезу! – в голосе Толика слышались и твёрдая убеждённость, и неподдельный страх.

Колян и сам не горел особым желанием соваться в чёрную, казавшуюся бездонной, дыру, из которой ещё и наносило кисло-прелым запахом не то прокисшего творога, не то – пивных дрожжей. И ещё пороховой гарью.

Однако за каким тогда ...ом они пёрлись сюда пятнадцать кэмэ?!

– Знаешь, я тоже на хотел бы... А придётся!

– Это ещё на ...я?!

– Ну как же: а спасать Человечество?!

Пару секунд Толик недоумённо пялился на Коляна, уже открывая рот, чтобы высказать всё, что он думает о «спасении человечества». Затем допёр – оба весело заржали. И дыра почему-то перестала казаться спуском в «Царство адских монстров и жутких опасностей».

– Заколебал ты со своим любимым приколом. – Толик покачивая головой, сплюнул в метрового диаметра провал. – Не-е-т, тут пахнет... Чем-то другим. Военные разработки?

– Да, похоже. – Колян скинул рюкзак. Распустив верёвку клапана, довольно долго изучал содержимое, перебирая обеими руками, и ворча под нос: «Д...мо собачье... Где же он?». Наконец поиски увенчались успехом:

– О! Сейчас глянем!

Мощный фонарь с жёлтым пластиковым корпусом с чёрной окантовкой рифлёного стекла лампы включился и выключился:

– Ага! Работает, зар-раза!...

– Китайский, что ли?

– Ну тыть!..

– Тогда точно – не полезу! Вся китайская техника норовит отказать в самый неподходящий момент. Во всех ужастиках про подземелья «Стра-ашная Тварюга с десятью щупальцами и пятнадцатью глазами ме-е-едленно приближается к Герою»... И в это время его фонарь гаснет!

– Тьфу на тебя! Тоже выискался – юморист ...ренов! – Колян действительно сплюнул (правда, не в дыру, а под ноги), и затянул обратно клапан. Рюкзак взвалил на плечо. – Ладно, ты идёшь... Или будешь дальше мне мозги ...ать?

– Иду уж. Куда деваться – кто-то должен прикрывать спину главного положительного Героя, пока тот выжигает гнездо Инопланетных тараканов... Или убивает главного Учёного-какашку... Разумеется, это – преданный друг детства. А потом он ещё и гибнет вместо Героя – чтобы ценой своей жизни... – под свирепым взглядом Толик заткнулся.

Однако сразу же вскинулся, посмотрев влево – в редком лесочке из карликовых кривоватых берёзок и чахлого кустарника подлеска послышался буквально оглушающий для напряжённых нервов звук – хрустнула сухая ветка.

Колян и сам встрепенулся – в руке оказался выхваченный произвольно из-за пояса огромный тесак – настоящее мачете!

Из-за кустов никто не показался. Колян покачал головой, тяжело вздохнув:

– Надька, зараза такая! Выходи уж! Я и так знаю, что это ты.

Одиннадцатилетняя сестра осторожно, бочком выбралась из-за куста.

Толик свирепо уставился на незваную гостью.

Поза и взгляд и деланно скромные, и глаза – в меру испуганные. (Конечно, ей не впервой получать «люлей» от старшего брата, сейчас, в силу «почти взрослого» возраста, ставших чисто моральными – то есть, словами.) Но больше всего там, в широко распахнутых глазах, было – жгучего любопытства. Оно изливалось из блестящих нездоровым светом «окон души» буквально Ниагарой.

Колян же отметил, что две торчащие под немыслимым углом к голове косички обходятся без разноцветных «демаскирующих» бантиков. А уж заплетены... Явно сеструха плела сама. А ведь всю дорогу прикидывалась, что «не может!». И просила мать.

Блин! Ладно, фиг с ними, косичками.

Похоже, она-таки вычислила их. Или вообще – подслушивала! Готовилась. Вон: даже вместо платья – спортивное чёрное трико, на ногах – полусапоги. Значит, точно – тащилась за ними по проплешинам изъезженных гусеницами вездеходов участков равнины, покрытых лужами и грязью, зарослям голубики и багульника – там, где поверхность тундры ещё оставалась девственно нетронутой рукой – вернее, ногой! – человека, и редколесью со стелющимися по земле коряво-причудливыми берёзками, все пятнадцать кмэ...

И ржала небось втихаря – «тоже мне, заговорщики!». Конспираторы ...реновы.

– Ладно, подойди уж. Честное слово: шлёпать не буду!

– Ага, попробуй только! Всё дяде Серёже расскажу!

– Не расскажешь. Потому что он первый запретил сюда соваться. А ты – что?

– А я – что? А я – как вы! Заговорщики недоделанные! Тоже мне – разведчики стратегических секретов страны выискались...

Толик состроил ехидную гримасу:

– А что – она очень даже кстати! Давай её спустим на верёвке первой. Ну, как Приманку. Или – как крысу в Лабиринт – пусть хоть польза будет с этой недоделанной!

– Это кто тут недоделанный?! Сам ты недоделанный! А ещё и озабоченный! Думаешь, я не помню, как ты за конфетку просил меня спустить трусики, когда мне было четыре?!

Колян перевёл взгляд на Толика – Толик густо покраснел. И потупился.

– Это – правда? – Колян спрашивал вроде, спокойно, но Толика это не обмануло: в гневе Колян страшен. Не щадит ни своих ни чужих! Однако какой смысл врать? Врунов Колян любит ещё меньше, чем дураков.

– Ну... Было. Подумаешь! Мне тогда тоже было... Всего девять! – Толик, всё ещё красный, сердито смотрел на Надюху. Та свой момент не упустила:

– Давай теперь – извиняйся! А то... Скажу, как ты меня домогался!

У Толика от такой наглости пропал дар речи, и он только раскрывал рот – словно выброшенная на берег рыба. Колян, набычившись, сделал шаг вперёд:

– Ты!.. Мразь сопливая! Так ты – в девять лет – мою сестру?!.. – кисти сами сжались в натренированные о снаряд внушительные кулаки, да так, что побелела кожа.

Толик стал пятиться назад, бросая испуганные взгляды на пудовые, не по возрасту, орудия для драки, и умоляющие – на девчонку, и лопоча неубедительную сейчас даже для него самого хрень, типа: «Брехня!», «Корлян, ну ты же меня знаешь – я бы никогда!..», «Врёт она всё, маленькая дрянь!», и выставив перед собой руки. Колян приближался.

Насладившись триумфом, и оттянув паузу насколько возможно, не по возрасту расчётливая паршивка-интриганка всё же встряла между ними:

– Да ладно тебе, Колька! Я пошутила. Не домогался он меня! Он... Просто посмотреть хотел! Ты-то и так всё видел!

Верно. Колян дёрнул щекой. Он, действительно, и так видел тельце Надюхи до двух лет – когда помогал матери купать это непослушное сокровище, уже тогда отличавшееся большой

изобретательностью, и на редкость отвратительным, вредным характером. В ванночке её ну никак невозможно было удержать кому-то одному. Кроха извивалась, как червяк, а уж орала... И откуда в тщедушном тельце находилось столько звука и сил!

Вот так и приходилось справляться: он держал, мать намыливала.

Это воспоминание как-то сразу отрезвило его. Он остановился. Криво ухмыльнулся:

– Ладно уж, ты, малолетний развратник-дебил, считай – ты прощён.

Толик, ноги которого всё ещё заметно тряслись, поспешил подойти, и пожать протянутую руку. На Надюху глядел теперь с опаской: чего ещё она припомнит ему? Причём – в самый «нужный» момент?

Колян между тем вернулся к отверстиям:

– Надька! Надька, говорю! Иди сюда. Вот. Посмотри. – он повёл по внутренности колодца ярким и широким лучом, – Посмотрела? А теперь дуй обратно в деревню. Если через... э-э... десять часов, ну, то есть до полуночи, не придём – пусть дядя Серёжа или ещё кто-нибудь приходят спасать нас! Дело-то, похоже, нешуточное!

– В-смысле – нешуточное? Это что – секретное бомбоубежище?

– Хуже. Похоже, секретная лаборатория. Военная. Вон: видишь на люке – «Warning!» Череп нарисован. Перекрещенный молниями. И предупреждения. На двух языках – угрожают смертью тому, кто сдуру...

– И что – вы вот так и полезете? Предупреждённые, но «безумно храбрые»?!

Толик только зарычал, не смея материться на девчонку при брате. Колян-таки выругался. Однако его взор, горящий «пламенным возмущением», оказался легко проигнорирован поморгавшими под «наивняк» глазёнками.

Продышавшись, и набрав воздуха побольше, Колян попробовал ещё раз:

– Послушай! Говорю же – не шутейное дело. Раз вся эта хрень расположена на территории бывшего Сталинского Лагеря, значит – точно: очень сильно засекречена. – он обвёл по кругу рукой все жалкие пеньки полусгнивших столбов с остатками ржавой колючки, и куч почерневших брёвен, возможно, когда-то бывших бараками, и парой чудом сохранившихся бетонных казематов – возможно, складов еды, – Мы все, да и мужики из соседних деревень не таскаемся сюда – считаем землю... Изгаженной. Проклятой. Ведь здесь погибла не одна тысяча замученных. «Врагов народа».

Идеальное место. Для всяких Опытов и...

Ну, короче – опасно! А вдруг здесь разводили какие-нибудь эти... Штаммы болезнетворных бактерий! Или... Химические отравляющие вещества! Видишь? – он снова попинал ногой горловину люка с крышкой, – А что, если мы там... Заразимся?

– Ага. И притащите всю эту заразу к нам в деревню! Нет уж: не буду я никого звать вам на помощь! Пусть лучше вы, глупые идиоты, там и умрёте – зато остальные останутся здоровыми!

Колян покраснел. Надул щёки, выпустил воздух:

– Толик! Хватай её! Отлуплю, как сидорову козу! Задолбала! Так и каркает под руку! – Надька взвизгнула, но отбежать далеко не успела! Толик умудрился ухватить её за оттопырившуюся великоватую олимпийку. Теперь уже он мстительно ухмылялся, волоча брыкавшуюся Надюху к родственничку на «расправу»...

– Коленька, Колюша, Колянчик! Ну пожалуйста! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! Не надо меня шлёпать! – по мере того, как её подтаскивали всё ближе к грозно хмурившемуся старшему брату, упёршему руки в боки, девочка извивалась и упиралась сапогами в землю всё сильнее. Толик был неумолим, – Я правда-правда – никому не скажу, что вы полезли внутрь! Честное-пречестное, буду тихо сидеть тут, и ждать вас! Как послушная девочка!

Толик заржал как конь:

– Если ты – послушная девочка, я – император Нерон!

Ему посмотрели в глаза отработанным годами «ангельским» взглядом кота из «Приключений Шрэка», затем вдруг без всякого предупреждения тяжёлым каблуком топнули по пальцам на ноге:

– Может, и будешь! Если задницу, как и он, будешь подставлять кому надо!

Толик, невольно отпустивший сразу ломанувшуюся в заросли паршивку, повалился на спину, схватившись за ступню:

– У-у-у!... А-а-а!... .. твою мать! Зар-раза! Б...!!! Вот же ...! Я всегда говорил: нельзя, чтоб дети смотрели ночные каналы! Какую только х...ню там не показывают!.. Иногда даже полезную...

Колян отловил сестру без проблем: знал все её финты и извороты.

Обратно к шахте волок на весу, держа за шиворот – как котёнка. Зная крутой нрав старшего брата, девчонка помалкивала, и не дёргалась.

– Колян! – Толик уже сидел, – Ты, конечно, можешь обидеться, и даже побить меня, но я тебе скажу: твоя сестра – настоящая маленькая ...учка!

Колян с гордостью встряхнул даже не пытавшуюся царапаться девчонку:

– А то сам не знаю! Это у нас фамильное – в бабу Клаву!

– Но-но! – неудобное унизительное положение нисколько на строптивости не сказалось, – Ты бабу-то не трожь! Она таких как ты, семерых родила!

– Ага. И выжило всего трое. А собственные дети были только у нашего отца, Царствие ему Небесное. – он опустил её наземь, – Ладно, теперь слушай внимательно. Полезешь первой. Нет, полезешь. Потому что потом, если там будет реально опасно, мы тебя отпустим – чтоб со всех ног бежала за подмогой... Два взрыва, всё-таки. Может, там остались раненные.

– Как же, остались! Их наверняка ещё вчера вывезли – вертолётном.

– Ну вот почему вы, бабы, все такие верхоглядки невнимательные... Напоминаю для особо одарённых и в этом деле: *вначале* прилетел вертолёт, а потом было два взрыва!

– А, верно... Но я туда всё равно не полезу!

– А зря. Потому что тогда нам с Толяном придётся тебя связать – чтоб не чухнула в деревню сразу, и не растрепала. Ты не бойся: мы тебя крепко свяжем. Руки – за спиной, чтоб уж не перегрызла. Хотя альпинистскую армированную не больно-то перегрызёшь. Зубам дороже.

Надька всё ещё сомневаясь, смотрела в глаза брата. Но там проглядывала только сосредоточенность и уверенность в принятом решении – упрямством и твёрдостью характера он ещё похлеще её. Уж кому знать, как не сестре.

Толик помалкивал себе, глядя в дыру. Знал – лучше в «семейные» ссоры не ввязываться – крайним будешь.

Наконец Надька сдалась:

– ...ер с тобой, скотина вредная. Полезу. Отпусти! А, и фонарь дай!

Странно, но после того, как «консенсус» был достигнут, девчонка и правда, споро и храбро полезла вперёд, по тёмной шахте, легко «просочившись» в щель между горловиной и наполовину приоткрытым люком в ладонь толщиной, сделанным явно из брони, и уверенно хватаясь за очень кстати обнаруженные скобы из арматуры.

Подростки, сопя и переглядываясь, двинулись следом – вначале Колян, за ним – Толик. Толик напоследок оглянул унылый пейзаж приполярной почти тундры: нет, никого. Да и кто придёт, если даже в их деревне осталось двадцать два человека из когда-то почти пятиста...

Сквозь щель у крышки еле протиснулись – мешали рюкзаки. Но дальше всё пошло легко и просто: в грубые бетонные стены круглого колодца через каждые двадцать сантиметров оказались вцементированы прочные скобы из арматуры с большой палец толщиной. Ноги в десантных полусапогах не соскальзывали, руки пока держали цепко.

А снизу ещё подкалывала «впередилезущая»:

– Ну, чего там копаетесь? Эх вы – разведчики-пионеры стеснительные! Тормоза! Сейчас будет вам и «Обитель Зла», и «Охота на пиранию»... Ну, или «Чужие-четыре»! Наверняка чёртовы учёные понасоздавали тут ТАКОГО!.. Мало не покажется! Монстры – так уж всем монстрам монстры! Или – мутанты какие. Вампиры. Ну – короче, твари, что людишек-то десятками жрут.

Наши-то, российские учёные – самые «крутые» и умные!..

Парни помалкивали – понимали, что лезть совсем уж в тишине может быть страшно даже такой непоседливой егозе и стервозной зар-разе, как Надька.

Кружок желтоватого света активно метался по стенам, когда она осматривала их, и просто дёргался – когда лезла, пыхтя и тихо ругаясь. Отдувающийся Толик проворчал:

– Блин. Понасмотрелась... Говорю же: нельзя детей до четырнадцати вообще подпускать к ящику. Ну, или – только для мультиков...

Колян отреагировал иначе. Он почти неотрывно смотрел вниз, и отлично видел, что ползти ещё довольно долго. Поэтому поприветствовал возникший разговор – только бы отвлечься и не думать о том, что и правда, может ожидать их, самонадеянных, «безответственных», и лезущих явно не в своё дело, сопляков. Спросил, обращаясь вниз:

– Надька... А ты сама-то какое кино больше всего любишь? Ну, или на какую героиню хотела бы быть похожа?

Странно, но ответ последовал незамедлительно:

– На Милу Йовович в «Голубой лагуне»! Она там та-а-акя... Секси! А ведь ей всего-то тогда было – четырнадцать. Или пятнадцать.

Толик подозрительно булькнул. Коляну удалось сдержаться. Надька обиделась: было слышно по тону:

– Ну и ржите себе на здоровье, придурки недоделанные! Я, может, ещё в бабу Клаву и пойду фигурой! На неё даже после девяти родов мужики засматривались!

– Твоя правда. – Колян дышал тяжело, но на всякий случай потрогал мечете на поясе – до светлого в лучах фонаря круга дна оставалось теперь лишь несколько метров, – вот уж чем, как говорится, Бог не обидел нашу семейку – так это здоровьем и фигурами. (Тьфу-тьфу.) Но я в порнофильмах сниматься не согласен.

– Ничего не забыл? – ворчание Толика накладывалось на сиплое дыхание.

– Нет, а что?..

– Ну, во-первых – про порнофильмы... В нашей деревне их точно никто снимать не будет. Антураж не тот... Разве что для извращенцев-геронтофилов... Ну и ещё про ваши... Хм. Наследственные черты. Упёртые вы все. Как ротвейлеры. Если чего-то надумали – ...рен переубедишь! А режиссёры таких не любят: им же – то ножку подними, то попкой повиляй...

– Это почему же нас – не переубедишь?! – Колян обиделся за «негибкость характера», – Вон – Надька! Удалось же переубедить полезть первой!

Толик хохотнул:

– Это – только потому, что она и сама так хотела. Наверняка – с самого начала!

Надька подхихикнула. Потом «выдала»:

– Чёрт! Раскусил ты меня, Толик! Хи-итрый... Никогда за тебя замуж не пойду!

Толик громко сплюнул на стену колодца загустевшую слюну:

– Нашла дурака! Занимай очередь: ты – после крыс и болотных гадюк!

Колян, которому не понравились странные пятна на дне колодца, буркнул:

– Вы, двое... Уже заткнитесь. Оба. Мало ли что и кто там... Или отшлёпаю обоих!

– Всё, приехали. Я внизу. – Надька и правда постаралась говорить вполголоса. Но только до тех пор, пока не осмотрелась внимательней. – Ой! Здесь кровь!

– Ничего не трогай, и не отходи от лестницы! – в голосе Коляна прозвучал металл.

Надька сочла за благо послушаться, и фонарём светила теперь чётко: прямо на бетонное дно, на которое вскоре прыгнули Колян и Толик.

Колян забрал фонарь из заметно дрожащих рук, присев на корточки и потрогав пальцем:

– Верно. Чёрт его задери – кровь! И свежая: ещё не успела свернуться! Размазано...

Значит... – говорили они теперь вполголоса, невольно проникнувшись серьёзностью ситуации.

– Значит, кто-то раненный приходил... Ну, вернее – доползал сюда, буквально полчаса назад! Может, даже звал... А мы ничего не слышали.

– А... А может, это – кто-то из десантников?

– Каких ещё десантников?! – Надька наморщила лоб и нос.

– Обыкновенных. Которых возят на задание на боевом «Ми-8к». Уж его-то силуэт не перепутаешь с пассажирским...

– Ладно, тише, умный ты наш. – Колян сердито осмотрел крохотное воинство. – Похоже, и правда – зря мы сюда впёрлись. Но, раз уж впёрлись – всё равно посмотрим. Вдруг – сможем в-натуре, кому-нибудь помочь?

– Н-ну... Как скажешь. – Толик сглотнул. – Но если не возражаешь...

Он опустил уже свой рюкзак на бетонный пол, и достал из него... Обрез!

– Вау! – рука Надьки сама потянулась потрогать, Толик шлёпнул по ней, рука отдёрнулась, – Сам сделал?

– Нет, тётю Настю попросил... Сам, конечно! Вчера, как идиот, два часа пилил этой старой ножовкой. А что: дядя Гриша же умер! Значит, ружьё – моё! Использую, как хочу.

– А патроны есть? – Колян взял обрез. Внимательно осмотрел распилил, и остался доволен: заусенцев, могущих помешать стрельбе, не имелось. Он вернул ружьё.

– Есть. Взял двадцать – с картечью. И двадцать – с «жаканами». По-моему, это лучше, чем с дробью.

– Отлично. – по тону Коляна было непонятно, то ли он шутит, то ли говорит серьёзно, – Заряди-ка два. С картечью. А остальные рассуй по карманам. – Толик поспешил так и сделать, – Что-то мне подсказывает, что стрелять здесь придётся... И – с близкого расстояния. – сам он снял мачете с пояса, и скомандовал, – Ну, идёмте, глянем!

Следы крови терялись за косяком полуоткрытой двери, до которой от колодца вёл коридорчик в пять шагов. Они чуть ли не на цыпочках, словно забыв, что только что орали, как стая резвящихся бабуинов, преодолели их. Колян выглянул в дверь, посветив:

– О-о! Коридор! Здесь даже есть свой свет. Но дохловатый какой-то – кажись, аварийное освещение! Ну-ка, помоги, Толик! – вдвоём они полностью открыли дверь толщиной ничуть не меньшей, чем верхний люк.

Дверь скрипнула, прочертив борозду по бетону пола. Надьку передёрнуло. Похоже, «игривый» запал у неё прошёл. А если и нет – то уж наверняка испарился, когда они увидели то, что оказалось за дверью с другой стороны.

В двух шагах от проёма сидел, привалившись к стене, мёртвый человек в форме бойца спецназа. Чёрный бронежилет придавал его туловищу объём – грудь человека напоминала добрый бочонок. Но не сам человек поразил троицу в первую секунду.

Кровавый размазанный след тянулся к нему, обрываясь в том месте, где должна была быть правая нога... Должна. Была. Быть...

Но сейчас имелся лишь обрывок защитных штанов с неровно оборванным краем, и пустота! Надюха набрала в тощенькую грудь воздуха.

Колян успел прикрыть ей рот – вопль потонул в его ладони.

– Тихо! – он зло прошипел ей в ухо, притянув с силой к своей груди, – Иначе – тоже умрём!

Девчонка потрепыхалась в его руках, буквально вцепившись мёртвой хваткой в его запястье, затем вроде, обмякла. Покивала – мол, очухалась. Колян отпустил.

– Ф-фу, чуть не задушил, придурок нервный... Говорю же – у меня насморк!

– Да?! Тогда какого ...я ты полезла в сырое и холодное помещение? Тут твой «насморк» только усилится! – Толик не скрывал иронии.

– Почему?! Разве вы сами, два храбрых зайца, не заставили меня лезть туда впереди вас?! Под угрозой обреза!

– Не ври, зар-раза, обрез Толик достал уже внизу. И вообще: заткнитесь-ка оба! А то мне не слышно! – Колян, глядя и прислушиваясь в оба конца коридора, присел на колени перед бойцом, проводя срочное обследование: оттянул веко, пощупал пульс, приложил ухо ко рту и груди, отстегнув пряжки жилета, и отвалив переднюю бронеплиту на пол.

Надька и Толик переглядываясь, переминались с ноги на ногу, и тоже опасливо оглядывали и слушали оба конца коридора. И предпочли и правда заткнуться.

– Ничего. – Колян отстранился, – не дышит, пульса нет. Ладно. Прости, боец. – он полез по нагрудным карманам.

Добыча оказалась невелика: квитанция из... прачечной! И служебное удостоверение. Первую Колян, сердито фыркнув, вернул в карман:

– Блин. Похоже, мужик сам не заморачивался. И жену не мучил. Это если она у него была... Да и правильно: такую униформу в стиралку не засунешь...

Зато удостоверение изучали внимательно, все вместе.

– Рядовой Александр, значит, Петрович. – Колян коротко глянул на посеревшее безжизненное лицо, особенно жутко выглядевшее в мертвенно-блёклом голубоватом свете плафонов со слабенькими галогенными, «экономичными», лампочками. Но вид трупа несколько его, похоже, не пугал. Правда, и не «вразумлял», – Лицо, вроде, как на фотке. Боец, стало быть, особого подразделения «Криптон». НИИ при Министерстве обороны, биологический отдел. Во как оно. Биология, значит...

– Так что, это у него микробы что ли... Ногу оттапали?

Колян глянул на Надьку, словно не видя – думал явно о своём, отвечая механически:

– Нет, микробы так не кусают... Бери шире: биология занимается и крупными тварями. Размером, скажем, с тигра... Или даже саблезубого тигра.

– А, такого здорового, с клыками – как в «Десять тысяч лет до нашей эры»?

– Да, вроде того... Толик, боюсь, придётся тебе перезарядить на «Жаканы». Картечь против крупных хищников... Малоэффективна.

Толик кивнул. Переломил ствол. Подумал.

– Знаешь, мы же не уверены – кто его так... Я один с картечью всё равно оставлю. Вдруг там твари помельче тигра... Но просто их – много? – он вынул и заменил один патрон.

– Ладно, вы, дебилы сверххрабрые... Вы что – в-натуре собираетесь дальше здесь оставаться?! – в подрагивающем и прерывающемся голосе Надюхи сквозили и страх, и... любопытство. Правда вот вряд ли это было любопытство к собственно месту, куда они попали. Скорее, её интересовало, действительно ли эти два дебила собираются идти дальше!

Колян с Толиком переглянулись. Толик кивнул. Колян пояснил:

– То, что здесь не то – подземная военная база, не то – секретная Лаборатория, мы знали и так... Да и все в посёлке знают. Не кретины же полные. Поэтому старались сюда просто не соваться – себе дороже. Но сейчас, когда здесь бабахнуло... Вот ты – чего припёрлась? Любопытно стало? – Надюха неуверенно кивнула, – Ну вот и нам... Любопытно.

Так что пока мы собираемся придерживаться первоначального плана. Посмотрим, кому здесь сможем помочь. Или...

Он замолчал, вскинув руку:

– Тихо!.. Толик! Помоги-ка затащить его туда – в коридорчик!

Схватив бойца с обеих сторон подмышки, они оперативно занесли несчастного в отрезок коридорчика у колодца. Затем Колян вырубил фонарь:

– Кто-то приближается! Не шумите! – после чего сунул за пояс своё мачете, и достал из кобуры бойца массивный чёрный пистолет. Глянул в свете «любимого» китайского фонаря. Хмыкнул: «Надо же... ГШ». После чего фонарь погасил.

В чуть заметном отблеске из большого коридора повертел пушку, уже поднеся поближе к проёму. Вынул магазин, вставил назад. Передёрнул затвор – один патрон вылетел.

Колян подобрал его и сунул в карман.

– Полный. Видать, до него дело не дошло... А жаль. Пули-то... Бронебойные.

Толик отстегнул клапан на кармане сохранившейся ноги трупа. Наощупь порылся.

– Где-то здесь должны быть... Точно. Вот, держи: запасные обоймы!

Надька хмурилась. Говорила теперь злым глухим шёпотом:

– Как вам обоим не стыдно! Это, это... Мародёрство!

– Дура ты, Надька. Мародёрство – это когда грабят ценные вещи. Ну, там, часы, украшения, деньги... А мы только хотим защититься! Да и ему пушка уже не поможет!

Надька замолчала. Потупилась. Колян знал – грызёт губы, как всегда делает, когда нервничает. Нервничал и он. Только у него привычка – чесать нос. Иногда – до прыщей. Потому что, как говорит мать, «грязными руками...»

Шум между тем медленно приближался. Колян лёг на живот, и попытался незаметно выглянуть из проёма. После чего вдруг шепнул: «Толян! Идём-ка!» – и вылез за дверь.

Надька осталась сидеть у трупа, засунув в рот оба кулачка – страшно! А ну как эти два идиота действительно найдут на ...опу приключений, и не вернуться!

Идиоты вернулись. С собой они приволокли ещё одного бойца «Криптона».

Живого.

Однако и этот еле дышал – из огромной раны внизу живота продолжала течь чёрная кровь, и, немыслимо пузырясь, вываливались петли серо-сизых кишок. Боец стонал.

Надька испуганно пискнула, и отскочила к колодцу: «Мамочки!...» Затем её стошнило: «Гос-споди ты Боже... О-о!...» Кислый запах рвоты присоединился к удушливо-медному – крови.

Колян и Толик положили бойца на пол рядом с тем, у которого не было ноги.

Боец громко хрипел, и задыхался. Глаза блуждали вокруг, явно ничего не видя. Но вдруг взгляд сфокусировался на лице Коляна, и раненный схватил того за руку:

– Малец! Слышь, малец... – он закрыл было глаза, затем, явно собрав волю в кулак, снова открыл, – Быстрее! Вот возьми. – он сунул в ладонь Коляна коробочку, которую достал из чехла на поясе. Колян глянул – похоже на «уоки-токи». Переговорное?

– Выключатель – вот. – мокрыми от крови негнушимися пальцами боец потыкал в клавишу, – Вылези... Наверх, наружу. Включи. Скажи так: «Первый – гнезду. Кухня не... заперта...». Понял? Всего две фразы: Первый – гнезду!.. Кухня – не заперта!

– «Первый – гнезду. Кухня не заперта». Понял. Но... Может – помочь как-то вам?!

– Никак... Никак ты уже ни мне... ни остальным не поможешь. Спасайтесь скорее – вылезайте и... Скажи две фразы. Бегите... же... отсюда... скорей.

Толик решил спросить в повисшей паузе:

– А сколько вас было всего? Бойцов?

– Взвод... Один... спецвзвод... – глаза остановились на Толике. Моргнули. Закрылись. Медленно открылись снова.

Но не так, как человек открыл бы их сознательным движением. Нет – теперь на подростка смотрел ещё один... Труп.

Подошла Надька, утирая рот рукавом олимпийки:

– Умер?..

– Да. – Колян не считал нужным скрывать очевидное. Да и похорон, и, следовательно, трупов, пусть и стариков, сестра за последние годы насмотрелась. Вряд ли особо боится. Правда, наверняка ей неприятно и страшно видеть растерзанные внутренности...

Как и им самим.

– Надька. Слышала, что он сказал?

– Слышала. «Первый – гнезду. Кухня не заперта». И – что?

– А то. Полезешь, как де... Как женщина – наверх. И наверху останешься, что бы там тебе это хреново «Гнездо» не сказало. Сюда больше не спускайся – жди подмоги в лесу. Они наверняка прилетят. Вот когда прилетят – отправишь их к нам.

– А вы? – парни снова переглянулись. – Мы – останемся. Может, тут есть ещё раненые. Вдруг мы... Сможем помочь. Хотя кому-то...

– Никому вы тут не сможете помочь! – Надька шипела, как порядочная змея, – Да и идиоты будете, если останетесь! Вы что – «Герои»?! Вам что – больше всех надо?

– Нет, нам – вообще уже не надо! Но ты – ползи вверх, и передай то, что этот бедолага, – Колян кивнул головой в сторону двух трупов, – просил! Это-то – сможешь сделать? Хотя бы ради него?! Чтобы, значит, их жертвы...

– Да, «оказались не напрасны!» – Надька сверкала глазами, и буквально пузырилась от злости, – А вы-то, вы-то?! Какого ... вы тут сможете напомогать?! И – кому это надо? Вы что – самоубийцы?! Или «Суперпатриоты»?! А как же мама?! На кого ты, балбес, играющийся в «крутого спецназовца», её оставишь? На меня, глупую и вредную?

– Знаешь, а где-то есть что-то логичное в её словах... Сермяжная правда какая-то... – Толик чуть заметно подмигнул, так, чтобы Надюха не видала, – Может, и в-натуре – ну его на фиг? И вылезем?

Колян помолчал, врубаясь. Потом «догнал»:

– Ладно... Надька! Лезь первой. Мы – прикрываем тебя. Твой «отход». Если через десять минут никого больше не... Приползёт – тоже... поднимемся. Твоя правда: ну его на ..., этот героизм! Пусть будет где ему и положено – только в штатовских боевиках.

Надька настороженно переводила взгляд с одного на другого, но понять не могла: то ли и правда, вылезут, то ли – решили остаться, а ей «навесили лапшу»...

Потом плюнула:

– Ну и ...ер с вами – любители экстрима долбанные!.. Значит – вот эту нажать?

– Да. И... Осторожней там! Может, лучше спрячешься – до прилёта спасателей?

– М-м... Пожалуй. А то – мало ли! Может, я – нежелательный «свидетель», и меня сочтут за лучшее «убрать»?

– Слушай, ты достала!.. Ну вот не всё в жизни так, как в твоих долбанных боевиках и ужасиках! «Убирать» тебя уж точно сразу не будут – во всяком случае, пока не вытрясут из тебя, добровольно, или под пытками, или наркотой – того, чего видала... – у Надьки отъехала книзу челюсть. Колян хохотнул:

– Купилась, наконец!

Надька нахмурилась, фыркнула. Мотнула головой с нелепо торчащими косичками:

– Ладно уж, «покупатель»! Давай обнимемся. На всякий случай. Мало ли...

Они так и сделали. Толик надумал присоединиться: похлопал обеих по плечам, прижавшись пузом к их бокам...

– Ладно, я полезла. Жду вас через десять... Ну – пятнадцать минут!

Лезла Надька быстро.

Колян и Толик, и не подумав куда-то двигаться, смотрели, как её крохотная фигурка с нелепом ракурсе мелькает на фоне крошечного, лунообразного из-за полуприкрытой крышки, видимого через колодец сегмента неба, отверстия. Никаких звёзд, как им обещали на уроках

астрономии, не наблюдалось – только мелькание силуэта в чёрном трико, и разносимое эхом глухое кряхтение. Да иногда ещё и крепкое словцо – более приличествующее какому-нибудь грузчику. Или сапожнику, попавшему себе молотком по пальцу...

Колян, преодолевая страх и отвращение, обыскал только что умершего – ничего!

Ни оружия, ни гранат, парочку которых они, сняв-таки с пояса первого трупа, засунули в сильно полегчавший рюкзак Толика.

Только удостоверение. Ефрейтор Дмитрий Сергеевич Воеводин.

Эх, Воеводин... Отвоевался ты. Упокой Господь твою Душу...

Минут через пять мелькание и кряхтение прекратились – Надька добралась.

Колян посмотрел на Толика:

– Ну хорошо. Предположим – три минуты – на передачу сообщения и повтор. Ещё пара – на ответ. Если он будет. И ещё через десять минут надо будет как-то помешать ей ползть обратно.

– Думаешь, ползет? – в голосе Толика сквозил неприкрытый скепсис, – Сто метров по бетонной трубе! Да она, небось, взмокла как мышь! И руки сводит от напряжения!

– Взмокла. И – сводит. Но – ползет. Это ж – Надюха!

– Тебе, конечно, лучше знать сестру... Ну а мы-то? Что делать будем?

– Да я вот думаю... – что Колян думает, узнать не удалось.

Потому что где-то вдали, грозными раскатами доносясь сквозь неведомые коридоры и Уровни подземелья, истошно завывала сирена, а светлая точка неба там, вверху, вдруг исчезла с глухим эхом – похоже, крышка люка захлопнулась!

Дальше пошло ещё хуже: наверху глухо бухнуло, их сильно толкнуло, будто невидимой подушкой – взрывная волна! По стенам колодца загудело, застучало.

– Бежим! Бежим, мать его ...! – Толик схватил Коляна за плечо, и потянул за собой в большой коридор.

Они еле успели – за их спинами стали падать бетонные обломки и щебень, а затем огромное облако пыли вывалилось в коридор, сделав ещё более тусклым свет и без того дохленьких потолочных ламп.

– Приехали. – констатировал Толик, – А знаешь, что самое глупое... – и поскольку Колян не спешил отвечать, стоя над выпавшими в проход кусками бетона, продолжил мысль, – Это то, что вот теперь, когда выбора-то и нет, мне почему-то так захотелось наверх!.. Стою вот... И думаю – ну не баран ли я?! А вовсе никакой не любитель «экстрима». – и, уже буднично, – Ну? Что делать-то будем?

– Как – что? Выход искать, конечно. Теперь *придётся* его искать – мы же не собираемся здесь оставаться... И...

И не один ты здесь... Баран. Желаящий слинять. Но сомнений нет: у такого большого Комплекса наверняка есть и запасные. Аварийные.

Выходы.

– Ха! А мне какой-то внутренний голос говорит, что это – и был *запасной*! Недаром же чёртовы спецназовцы ползли именно сюда!

– Возможно, конечно... Но тогда – вот что. Давай поищем по стенам. Наверняка где-то в таких... э-э... местах – должно быть. Во всех серьёзных Организациях есть. «План эвакуации персонала при пожаре»! Или ещё каких катаклизмах.

– Логично, логично... А почему ты думаешь, что те, первые два взрыва – ну, которые мы слышали вчера! – не перекрыли остальные выходы?

– Толик. Хватит. Ты уже параноик – хуже Надьки. Надо было, что ли, вас обоих наверх отправить?

– Да нет, я не против «пошарить» тут напару... Только знаешь – шарить приятно, когда есть куда, в случае чего... Свалить к такой-то матери!

– А вот с этим – полностью согласен! – Колян кивнул, – Пошли?

– Пошли. – оба медленно двинулись в тот конец коридора, что казался подлиннее, и откуда, судя по кровавым следам, и приползли раненные – и первый и второй.

Колян сжимал в почему-то вспотевшей руке гранённую рукоятку пистолета. Руку иногда отирал о штаны. Толик так вцепился в обрез, что костяшки пальцев побелели. Однако под взглядом Коляна ослабил хватку: «Блин! Нервничаю!» Китайский фонарь ярко освещал грубо бетонированные стены и пол: местами даже были видны следы, оставшиеся от опалубки – сучковатых досок.

– Чёрт. Похоже, мы – на каком-то техническом, нежилом, Уровне. Может даже – самом нижнем. – проведя рукой по очередному «следу» сучка, буркнул Колян, – Значит, теперь придётся подниматься.

– Ага. И – вот чует моя ...опа! – нам скучно не будет.

Подошли к стальной двери. Колян подёргал на всякий случай ручку: заперто. Он приложил ухо. Тихо. Чёрт! Склад, что ли, какой – вон, сколько пространства до следующей двери.

Толик, молча смотревший на действия напарника, послушал дверь и сам:

– Блинн. Кладовая, что ли... Или – машинный зал?

– Тогда бы гудело. Генераторы там всякие, аппараты жизнеобеспечения.

– Чего?

– Ну, кондиционеры, насосы для воды, обогреватель какой-нибудь центральный... Тут же наверняка живут и работают... Вернее – жили и работали сотни людей. Чего-то же они пили, ели. Температуру тогда надо поддерживать – хотя бы плюс двадцать. А ещё чем-то дышали. Значит, воздух засасывали с поверхности. Свежий.

– А-а, верно. Значит – склад. Ну что? Попрёмся дальше?

– Ага.

Когда подошли к повороту, выяснилось, что предположение Толика насчёт «плана эвакуации» подтвердилось: красной краской на стене напротив поперечного коридора была намалявана жирная грубая стрелка, снизу чёрная надпись по трафарету: «К аварийному выходу номер три». Толик хмыкнул, но ничего не сказал.

И хорошо. Потому что когда оба осторожно заглянули за угол этого самого поперечного коридора, буквально приросли к месту: настолько дикая картина открылась глазам.

Шагах в двадцати на полу лежал ещё один боец-десантник. Похоже, уже мёртвый.

Но не на него оказались в первую секунду направлены взоры подростков.

Над солдатом, медленно двигая жующими челюстями, и держа перед ними зажатый в лапках кусок ноги солдата, стояло...

Воплощение ночных кошмаров. Страшилище. Монстр.

Да как не назови – реальный персонаж из столь любимых Надюхой фильмов-ужасов!

Крупная тварюга – пожалуй, по плечо Коляну. Передняя часть туловища загибается вверх. Две... – руки? – держат оторванную часть ноги перед мощными жвалами-челюстями. А опирается насекомоподобная хреновина на шесть широко расставленных полусогнутых сегментированных ножек-конечностей.

Сами ножки – тонкие, и отблёскивающие словно полированным чёрным хитином: будто у чудовищного, в сотню раз увеличенного, не то – термита, не то – муравья... Или, скорее, богомола. Чудовищно увеличенного богомола.

Внизу, почти доставая до пола, свешивалось брюшко – да туда можно при желании затолкать не одного барана!

Теперь уже Колян аккуратно, без резких движений, затащил напарника за угол.

В тусклом серо-голубом свете лицо Толика, если такое возможно, буквально позеленело.

Он открыл было рот... Его закрыла ладонь Коляна. Лицо напарника приблизилось, и рот проговорил прямо в ухо:

– Тихо! Идём в обход – там есть ещё второй коридор!

Толик жестом показал, что руку нужно убрать. Едва Колян это сделал, напарник отбежал подальше от угла, и у стены опорожнил желудок. От кучи пошёл отвратительный запах. Подоспевший следом Колян, первым услышавший подозрительные звуки, хлопнул по боку Толика, всё ещё стоявшего нагнувшись. Злобно прошипел:

– Бежим быстрее! Эта тварь идёт сюда!

Никуда, однако, убежать они не успели.

Верхняя часть туловища показалась из-за угла на высоте пары метров от пола. Она грациозно, словно в фантастическом танце, раскачивалась в такт шагам.

Похоже, на распрямлённых ногах чудище стало гораздо выше – только что потолок макушкой не скребло! Взгляд огромных фасеточных глаз впёрлся в напарников. Медленно, и даже с некоей балетной грацией, всё тело монстра выплыло из-за поворота.

И было в движениях твари что-то чарующе-завораживающее, почти мистическое. Нечто неуловимое, тормозящее путающиеся мысли. Направляя их только на то, чтоб следить, любоваться на утончённо-изысканные движения по-своему восхитительно рациональной твари. И словно заставляющее замереть в экстазе. И любоваться, любоваться...

Колян застыл, словно зачарованный гипнотическим танцем могучего, и в то же время – изящного и прекрасного, выверено-грамотно спроектированного, словно кузов какого-нибудь «Ламборгини», искуснейшими дизайнерами, тела...

Однако вдруг Толик, как ни отвратительно ему было, даже не разгибаясь, вскинул руку с обрезом и выпалил сразу из обеих стволов! Похоже, ему в его состоянии гипноз животного магнетизма оказался не страшен!

По барабанным перепонкам ударило: в замкнутом пространстве выстрел крупнокалиберными боеприпасами получился просто оглушительным!

Колян, стряхнув наваждение, поспешил присоединиться: стрелять – так уж стрелять! Он ощутил, как с каждым выстрелом возвращаются слух и мысли...

Толика мощной отдачей отбросило к стене, где он принялся трясущимися руками перезаряжать переломленный обрез. Колян же встал, как в тех же американских боевиках делают копы: широко расставив ноги. И стрелял, стрелял, держа вырывающуюся и грохочущую девятимиллиметровую пушку обеими руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.